

А. Н. САМАРИН,

старший научный сотрудник Центра конфликтологии ИС РАН,
доцент кафедры философии МГИМО, кандидат философских наук

РОССИЙСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ЭПОХУ РЕФОРМ: МЕЖДУ ДЕГРАДАЦИЕЙ И НАДЕЖДой

Продолжительность мнимых преобразований уже соизмерима по времени с памятным периодом реконструкции нашего общества эпохи 1930-х — начала 1940-х годов, когда страна совершила мощный рывок в деле индустриализации и просвещения («культурной революции»). В обоих случаях это была дистанция всего лишь в двенадцать лет. Однако ныне мы в кратчайший срок прошли этот путь в обратном направлении. Тем, кто не закрывает глаза на факты, видно, что вопреки всем красивым лозунгам реальный результат российских реформ состоит из трех «Д» — демодернизации, деиндустриализации и дезинтеллектуализации общества¹. Последняя из трех составляющих представляет собой еще не вполне завершенную тенденцию, но шансы на полное одичание растут пропорционально прилагаемым «реформаторским» усилиям.

Ни одна из назревших общественных задач на протяжении длительного исторического срока не была решена, напротив, наметился явный поворот к социальной архаике, к вынужденному возврату к простейшим примитивным социальным структурам на фоне разрушения сложных. Сокращение жизненно важных показателей за исторически краткий

срок в десятки и сотни раз столь впечатляюще, что «скорость превращения России из сверхдержавы в слаборазвитую страну, свидетелями которого мы являемся в последнее десятилетие, просто ошеломляет», — заключает по этому поводу британский экономический эксперт в газете «Гардиан»².

На фоне усиливающейся деградации России первостепенной и самой актуальной проблемой становится сохранение страны как очага цивилизации и общей сокровищницы нашей культуры. Хотя «верхи» сегодняшнего госаппарата, к сожалению, уклоняются от реального исполнения этой важнейшей своей функции. Но и сохранение этноса как культурной субстанции тоже немислимо без мощного государственного щита. Вместе с тем в современных условиях, как для нашего государства, так и для его народа, «сама возможность существования в мире», по мнению профессора Г. К. Семина, определяется степенью «реализации, сохранения и развития российского научно-технического» и образовательного потенциала³. В специальном исследовании этого автора неопровержимо доказано, что конец отечественной науки неотвратимо повлечет и летальный исход

¹ Картину вызванного реформами чудовищного социально-экономического разорения страны читатель может извлечь из издания «Белая книга. Экономические реформы в России. 1991–2001 гг.».

² *Россия на перепутье // Аргументы и факты. 2000. № 36.*

³ *Семина Г. К. Роль науки в российской государственности // Национальная безопасность и геополитика России. 2002. № 1–2. С. 99–100.*

нашей государственности. Иначе говоря, *тем, кто не соглашается содержать своих ученых, учителей и армию, придется кормить чужих, что всегда оказывается много дороже.*

В результате уже состоявшихся разрушений, — констатирует главный редактор «Литературной газеты», писатель Ю. Поляков, — «у России сегодня нет государства, соответствующего ее экономическому потенциалу и национально-историческим задачам. У нас есть государственно-гарантированные условия для дальнейшей деградации и депопуляции»¹. В подобных обстоятельствах экономическая деградация неизбежно влечет за собой разрушение образовательного и общекультурного потенциала, его приближение к уровню наименее развитых стран, что ставит под вопрос перспективы социально-экономического возрождения. Так возникает порочный круг «самоуглубления» кризиса.

Культура во всех своих ипостасях, находясь сама в бедственном положении, тем не менее, сегодня становится одним из последних оплотов выживания страны, как о том не раз говорил Д. С. Лихачев. В частности, именно наука, включая философию, призвана обеспечить критическую рефлексию эпохи с тем, чтобы откорректировать опасную траекторию социального падения. И это делается в великолепных книгах А. С. Панарина, С. Г. Кара-Мурзы, А. П. Паршева, С. И. Валянского, Д. В. Калюжного и многих других, несмотря на противодействие мощных сил и механизмов, целенаправленно блокирующих всякую рефлексию².

Усилиями компрадоров едва ли не все подчиняется единственной сверхзадаче — непосредственному изъятию ресурсов в пользу этих групп, а также клиентов и покровителей последних. И только те инструменты, что служат этой «перекачке» средств, получают развитие, тогда как все прочее деградирует. Между тем, организация жизни, построенная только на эксплуатации «трубы» и ее эквивалентов, не требует ни развития социальной инфраструктуры, ни значительного роста кадрового потенциала, ни его интеллектуализации. Для компрадорских властей, живущих лишь распродажей

сырья, отечественная наука и научные технологии стали попросту излишними.

Поэтому систематически принимаются превентивные меры по сокращению объемов научной деятельности. За подобными шагами стоят также идеологические мотивы, имеющие целью ослабить критическую функцию науки и тем самым снизить потенциал сопротивления курсу на растаскивание России. Наконец, ликвидация остатков «сверхдержавы», включая научный и кадровый ее потенциал, была для западных контрагентов России также не менее значимой целью, чем разграбление ее ресурсов. А именно они задавали параметры реформ. В связи с этим условиями кредитов МВФ особо оговаривалось резкое сокращение в нашей стране финансирования науки, образования и здравоохранения. Отсюда в течение длительного периода реальное финансирование науки поддерживается, по данным профессора Г. К. Семина и профсоюза научных работников, на уровне всего лишь в 0,3%. Многие авторитетные ученые прямо говорят об «умирании» отечественной науки вследствие практического прекращения ее финансирования.

Нобелевский лауреат (2000) по физике Ж. Алферов в первом же своем выступлении в Госдуме после получения престижной награды не преминул заметить, что годовые расходы на фундаментальные исследования в нашей стране ныне в 4 раза меньше, чем стоимость одного жилого дома для депутатов Думы, построенного в 2000 году.

Как неоднократно свидетельствовал член-корреспондент РАН, депутат Госдумы С. Глазьев, ссылки на официальные бюджетные нормативы в отношении образования бессмысленны, поскольку для таких отраслей, как наука, культура и образование, как правило, они не выполняются. Так что тех 2–2,5%, что формально числились в строке «Образование» в прошлые годы, в действительности никогда не было выделено. Всего за полтора десятилетия произошло смещение нашей страны по реальным расходам на науку и образование с одного из ведущих мест на 71-е, и ныне позади нас разве что Уганда.

Высшее образование страны не «скончалось» лишь благодаря стремительному росту студентов, обучающихся на платной основе. Однако у этого источника финансирования имеется не только потолок в виде платежеспособного спроса населения. Не более 10% работающих семей в условиях постсоветского периода могут оплачивать определенные образовательные расходы, тогда как полная оплата высшего образования — удел еще меньшего процента. (В конце текста мы приведем

¹ Поляков Ю. Заметки несогласного // Литературная газета. 2003. № 15.

² Увы, ныне в подкрепление распада, столь выгодного узкому компрадорскому слою, активно используются все виды социальных и биохимических наркотиков, различные средства и приемы массовой дезинформации, а также более или менее изощренные идеологические и психологические манипуляции.

удручающие данные РАЕН за 2002 год относительно предельно низких финансовых возможностей нашего населения.) Тем не менее, конъюнктура в нескольких крупных центрах была относительно милостивой к высшей школе за счет концентрации здесь огромных финансовых ресурсов, уходящих в дальнейшем на Запад. Важным привходящим фактором перераспределения собственности и вывода капиталов из страны стала миграция активной части молодежи на Запад, условием которой стало получение высококачественного образования у себя дома.

Но эта конъюнктура крайне непрочна. Очевидно, что в дальнейшем нам предстоит многократное сбрасывание вниз жизненного уровня нашего народа по образцу «дефолта» 1998 года. Поэтому свободные средства населения, которые предполагалось инвестировать в образование, будут лишь сокращаться. Весомый урон понесли не только наука и образование, но и другие, тесно связанные с ними отрасли.

Профессор Г. К. Семин в своей чрезвычайно интересной науковедческой работе, сравнивая доли прироста национального дохода в разных странах за счет наукоемких производств, указывает на то, что в развитых странах эта доля составляет ныне до 90%, в СССР эта статья дохода была равна 65–67%, а в современной России в результате реформ «удалось» довести данную статью доходов до 5–6%¹. Иначе говоря, имеет место более чем одиннадцатикратное падение самого передового наукоемкого производства в стране. Именно этот показатель предопределяет основную деструктивную тенденцию реформ. Пять лет назад разрушение науки и связанного с ней образования было, по распространенной оценке, «на грани необратимости», к настоящему времени, похоже, продолжающаяся эрозия перешла указанную черту. Обвал науки повлечет за собой необратимые последствия.

Во-первых, без собственной науки неизбежно ускользнет из рук национальных институтов и переместится на Запад контроль над содержанием образования и информационными потоками, и это уже происходит. Во-вторых, с утратой науки будет одновременно потеряно и высококачественное образование, развитие которого сегодня мыслимо лишь на хорошей исследовательской базе. Луддиты от «реформизма», уничтожая науку, ликвидируют тем самым будущий ин-

теллектуальный потенциал России. «Если существующие тенденции сохранятся, то к 2013 году специалисты высокой квалификации в науке и образовании России практически исчезнут как социальная группа», — говорит исследовавшая эту тему профессор Л. М. Романенко, и ее голос не одинокий².

Г-жа Маргарет Тэтчер не столь давно, высказываясь о нашей стране, не без удовлетворения проронила следующее: «Нация, позволившая себе пренебречь научно-технической интеллигенцией, обречена»³. Справедливости ради стоит уточнить, что наши власти пренебрегли не только упомянутым сектором интеллигенции, но и всей отечественной культурой, что делает тезис М. Тэтчер по поводу национальной обреченности еще более сильным.

Любые крупные удавшиеся модернизации (в Китае, Японии и др.) начинались с крупных государственных инвестиций в сферу науки и образования. Они не сопровождались коренной их ломкой, напоминая больше постепенное эволюционное усовершенствование. Все прочие пути реформирования оказались провальными. Наши реформаторы долго копировали опыт банановых республик, объясняя нам часто, что делают все, «как в Аргентине». И в этом они сильно преуспели. В каком плачевном состоянии оказался сейчас латиноамериканский образец, теперь известно всем, но мы рискуем оказаться даже в худшем положении, когда у нас, в отличие от аргентинцев, не останется и страны.

Своекорыстные зарубежные спонсоры реформ с помощью хронической многолетней нищеты науки и образования стремятся не только сознательно устранить еще дееспособных конкурентов на образовательном рынке, но и нейтрализовать интеллектуальный духовный потенциал страны с тем, чтобы снизить ее сопротивление инструментам внешнего контроля. Кроме того, подобный замысел указывает на неприкрытое желание готовить кадры высших администраторов для России только за рубежом, под западным надзором. И без того слабую и зависимую элиту страны хотят навсегда превратить в совершенно послушное орудие.

² Романенко Л. М. Конфликт власти и высшей школы: новое прочтение // Социальные конфликты. Вып. 12: Российское образование перед лицом кризиса. М., 1997, С. 70–71. См. также: Россия накануне XXI века. Материалы науч.-практ. конф. М., 1994, С. 90.

³ Цит. по: Семин Г. К. Роль науки в российской государственности // Национальная безопасность и геополитика России. 2002. № 1–2. С. 99–100.

¹ Семин Г. К. Роль науки в российской государственности // Национальная безопасность и геополитика России. 2002. № 1–2. С. 99–100.

Образование представляет собой матрицу или, если угодно, становой хребет культуры. По своей природе это довольно консервативный институт, любые инновации не должны разрушать его устойчивость или порождать имманентную деградацию¹. В противном случае, повреждая его неудачной операцией, мы рискуем жизнью всего социального организма. Сегодня существует угроза как грубого силового слома государственного организма извне, так и внутреннего повреждения матрицы образования, что также может повлечь сбой в социокультурном воспроизводстве вплоть до его полной деструкции.

Вот что говорилось о возможностях модификации культурного сознания в документах Международного семинара по проблемам образования, организованного в свое время при поддержке ЮНЕСКО: «Одной из основных причин угасания творческого потенциала народа может являться ослабление интеллектуальных и духовных традиций в результате разрушения национальной системы образования и подготовки слоя интеллигенции, чуждой своему народу, его истории, традициям, культуре»². Аналогичный трансформационный процесс с общей негативной тенденцией развивается и у нас! При подобном отношении властей к научным кадрам, культуре, ее историческому наследию никакая модернизация страны будет невозможна, произойдет ее культурное угасание.

С учетом всего сказанного видно, что одного цехового взгляда на проблемы образования явно недостаточно для ответственных решений, что необходимо учитывать конкретную историческую ситуацию сегодняшней России в целом, которая складывается драматичным образом. Поскольку, как уже отмечалось, явно обостряется задача сохранения целостности социума, сегодня вполне правомерно оценивать роль и эффективность образования прежде всего под этим углом зрения. Будет ли просвещение в дальнейшем содействовать хищническому мародерству, растаскиванию национального достояния, а в конечном счете — развалу Отечества, станет ли оно готовить подручных неокOLONиальных администраторов, или оно будет нацелено на мобилизацию национальных ресурсов в интересах укрепления и развития страны? Смогут ли образовательно-воспитательные учреждения в целом сформировать нормальные патриотические ориентиры у новых поколе-

ний? Вопросы далеко не праздные и решаемые за пределами образовательной системы на уровне ее заказчиков и проектируемых ими параметров «реформирования».

Все особенности предъявляемого сейчас образованию амбивалентного социального заказа в решающей степени связаны с нынешним противоречивым положением отечественных «элит», той исторической развилкой, у которой оказались они, а вместе с ними и российское общество. Этот «заказ» более чем неоднозначен и проблематичен. *Состав и востребованные в ближайшем будущем качества «элитных кадров» могут столь резко различаться, как если бы им предстояло жить в разных странах.* Впрочем, последнее может случиться и впрямь во всевозможных вариантах. Недаром упомянутые группы так основательно обустраиваются за пределами отечества. Понятно, что авторитарному — изоляционистскому и авторитарному режиму, теократической диктатуре, олигархическому компрадорскому капитализму, открытому обществу, колониальному порядку — всем этим разным «путям» и моделям, между которыми пока еще блуждает российская элита, потребуются слишком различные кадры, предельно несхожие профессиональные и человеческие качества. Распутье, быть может, еще не пройдено окончательно, хотя возможности благоприятного выбора становятся все меньшими, особенно с учетом модной риторики о «глобализации». Учитывая исключительную важность темы для культурно-образовательных процессов, стоит рассмотреть ее подробнее.

В западных источниках глобализация трактуется как процесс ликвидации национальных государств, который, однако, не затронет западных центров силы³. Подобная лукавая доктрина не может не напоминать очередную модификацию имперского мышления. Но риторикой дело уже давно не ограничивается.

Российские реформы в том виде, в каком они развивались реально, выступают частью процесса глобализации, этого западного мегапроекта, который в целом направлен на передел мировых ресурсов в пользу «золотого миллиарда». Такое перераспределение предполагается осуществить в первую очередь за счет крупнейших национально-государственных держателей сырья, к которым принадлежит, прежде всего, наша страна. Вся совокупность поступающих данных однозначно говорит о готовности творцов «монополярно-

¹ См. подробнее: *Выродов И. А., Костенко И. П. Мысли о реформах российского образования // Полигнозис. 1999. № 4.*

² Цит. по: *Запесоцкий А. С. Молодежь в современном мире. СПб., 1996. С. 227.*

³ См: *Скотт П. Глобализация и университет // Alma mater. М., 2000. № 4.*

го» мира использовать в своих целях не только политические, но и военные инструменты. Именно в контексте подобного передела стоит рассматривать и распад Советского Союза, и последующую деградацию России, и существующие ныне планы дальнейшего расчленения страны (в том числе силовыми методами), которые обсуждаются не только за рубежом. Большая часть человечества окажется излишней на этом празднике жизни для «сильных» глобализаторов. Слабых же и малоприспособленных будет ожидать в лучшем случае судьба американских индейцев.

И вся эта перекройка политической карты мира по существу уже началась. Жаль только, что места для России на заново проектируемом глобусе уже не предусмотрено. Как засвидетельствовал недавний вице-премьер нашего правительства (а теперь главный «политтехнолог» СПС и босс многочисленных масс-медиа) г-н А. Кох в интервью радиостанции WMNB в США осенью 1998 года, нашу страну в предстоящий период ожидает «развал, превращение (ее — А. С.) в десяток маленьких государств». И произойдет это, по словам экс-руководителя правительства, «в течение 10–15 лет»¹. Увы, слишком многие эксперты подтверждают эту схему. Подробнее данную обширную тему мы здесь развернуть не сможем. Ограничимся лишь выводом из свежего доклада Rand Corporation для американских вооруженных сил, который еще недавно звучал бы фантастически. В этом докладе сказано: «Деградация России прямо или косвенно затрагивает интересы США, поэтому *следует предполагать ситуацию, когда к американским ВС обратятся за помощью и им придется оперировать на территории самой РФ или в прилегающих регионах*»². Разброс в экспертных оценках относительно сроков возможного краха нашей государственности не слишком велик — не более чем несколько десятилетий. В услугах нашего образования нужда может отпасть еще раньше, о чем пойдет речь чуть ниже.

Но господину А. Коху и его политическим друзьям, как видно, не терпится, поэтому в только что процитированном интервью указывается и наилучший способ радикального решения «русского вопроса»: «*Я думаю, для того, чтобы отобрать у нас атомное ору-*

жие, достаточно одной парашютно-десантной дивизии. Однажды высадить и забрать все эти ракеты к чертовой матери. Наша армия не в состоянии оказать никакого сопротивления. Чеченская война показала это блестящим образом»³.

Нет сомнения в значимости образа будущего для дела воспитания и образования юных людей. Но каким же может быть эффект от «информации» о том, что у них вовсе нет будущего? И для того чтобы к ней приобщиться, не обязательно даже читать упомянутое интервью — достаточно регулярно смотреть наше телевидение, находящееся под контролем все тех же господ. Один из ближайших, уже имеющихся эффектов — формирование депрессивного сознания, которое затронуло широкие круги молодежи. Массовая депрессивность проявляет себя в миллионе попыток суицида в год, в стремительно растущей наркотизации юного поколения, в многомиллионном исходе активной части юношества в зарубежье и духовном эскапизме и отчуждении оставшихся молодых людей.

Упомянутое интервью не только выразительно описывает политический и цивилизационный финал глобализации России, каким он нередко мнится «в верхах», но содержит также ясные виды на судьбы нашей интеллигенции. По Альфреду Коху, Россию ждет «безусловная эмиграция всех людей, которые могут думать, но не умеют работать (в смысле копать), которые только изобретать умеют»⁴. Можно догадываться, какая перспектива в подобном случае открывается для российского образования, и особенно для страны, если оправдаются подобные ожидания и если общество не поставит на место таких господ. Двусмысленная тема «интеллигенция и власть», столь излюбленная на разных форумах, поставлена здесь на редкость в четкий контекст, не допускающий никаких кривотолков.

Нам ясно сообщается, что при сохранении этой власти интеллигенции в России довольно скоро не станет⁵. То обстоятельство, что государство российское после этого также недолго просуществоует, нисколько не тревожит идеологов, надеющихся оказаться к тому времени далече. Списать упомянутый прогноз на экстравагантность авторской или политической позиции Коха невозможно, слишком много событий вполне укладываются в

¹ Минкин А. Прощай, умытая Россия! // Новая газета. 1998. 3 ноября.

² Доклад «Заклучение о степени упадка России: тенденции и последствия для США и Военно-Воздушных Сил США». Русский перевод размещен на сайтах центра Намасон и газеты «Завтра». Последняя также опубликовала его в № 5 (480) от 28 января 2002 г. в материале «В-52» над Москвой (*Американцы готовятся к вторжению в Россию*).

³ Минкин А. Прощай, умытая Россия! // Новая газета. 1998. 3 ноября.

⁴ Там же.

⁵ Возглавив предвыборный штаб своей партии (СПС) в предстоящих избирательных кампаниях и претендуя на весьма высокую власть, автор цитируемого интервью желает делом приблизить это светлое время.

описанную им тенденцию. И к этим фактам мы еще вернемся.

Из множества правомочных трактовок глобализации сегодня актуализируется уже не прежняя либерально-универсалистская ее версия с финальным торжеством плюрализма, демократии и открытого общества в планетарных рамках, а прямо противоположная ей интерпретация мировых интеграционных процессов, которые все более связываются ныне с происходящей неокOLONIALНОЙ экспансией и созиданием новой мировой империи под эгидой единственной сверхдержавы. С прекраснодошными мечтаниями о конце истории и мировом либеральном братстве придется расстаться всем их поклонникам. К этому располагает, кроме прочего, и анализ положения в нашей науке, культуре и просвещении, которые понемногу превращаются в настоящие зоны социального бедствия.

В целом, имеет место потребительское отношение «элит» и к науке, и к образованию, и к воспитанию, когда за счет прямого извлечения вложенных в них за много поколений ресурсов, за счет распродажи и гиперамортизации их вплоть до полного уничтожения имеющегося потенциала кормятся асоциальные группировки. В силу недвусмысленной ориентации последних указанные средства никогда больше не послужат целям познания, по крайней мере, на родине. Это разорение может обернуться и уже оборачивается немалыми дивидендами для влиятельных групп. Наиболее активные из них давно намекают, что, мол, роскошь просвещения стране не по карману, да и вообще — излишество, предлагая посадить огромное большинство на интеллектуальную диету, оставив для избранных возможность обучения за рубежом.

Внедрение ликвидаторских по сути рекомендаций ложится на благодатную почву, поскольку «остаточный принцип» финансирования сложился давно, и существует молчаливый элитный консенсус, что на этой отрасли можно сколь угодно экономить. Кроме того, действуют активные группы, рассчитывающие на приватизацию хотя бы части сэкономленных расходов. Так что недостатка в проектах «упразднения наук» нет. *Миссия же подготовки высших менеджеров тогда перейдет целиком к западным университетам. И в этом — одна из сверхзадач «доброхотов» извне, что отражается в планах реформ, запущенных с их подачи.*

Развивающийся упадок и средней, и высшей школы становится реальным не только вследствие системного социально-экономического кризиса в России, но в первую очередь потому, что ушел с ее исторической сцены руководящий слой, заинтересованный в ис-

пользовании этих кадров по прямому назначению — в созидании страны, в ее модернизации, и реальном подъеме экономики. Эффективная бюрократия исчезла или разложилась, а буржуа в своей конструктивной роли организаторов производства так и не явились, будучи не в состоянии не только превзойти, а хотя бы заменить своих исторических предшественников. Бюрократия прошлого (при всех ее пороках) нисколько не напоминала «халифов на час»: она не собиралась покидать страну и вывозить для этого капиталы. Та межумочная и криминализованная среда, что заняла не подобающее ей элитное место, полностью избавилась в своей практике от всякой общественной мотивации, если не принимать за нее корпоративное упоение совместным расхищением. Это отчетливо просматривается в «реформаторских» инициативах в отношении высшей школы.

Планы ничем не компенсированного свертывания госфинансирования в этой сфере, которые упорно навязываются нам западными советниками, при нынешних материальных условиях большинства будут неминуемо означать отбрасывание России за порог культурной революции 1930-х годов, когда систематическое образование было доступно лишь немногим избранным. И этот реакционный подход дискутируется на фоне развертывания ныне почти поголовного высшего образования в наиболее развитых странах. Принять такие планы равнозначно отказу от всякой модернизации нашего общества и автоматическому смещению его на самый край мировой периферии.

Дискутируемые ныне проекты реформ не только не могут вывести образование из кризиса, но, наоборот, переведут эту отрасль из состояния медленного разрушения в фазу ускоренного распада, поскольку *их основная цель состоит в изъятии, а не в привлечении в отрасль дополнительных средств.* Чьим интересам это соответствует, мы уже видели, но почему столь многие российские деятели подыгрывают этим людям, стоит присмотреться подробнее. Государственная поддержка образования существует, как уже было сказано, даже на самом либеральном Западе, а в обществе с предельно низким жизненным уровнем масс без такой поддержки оно не может выжить вообще. Уже разворачивающийся обвал образовательной системы, если его не остановить, похоронит любые планы модернизации страны, которые останутся тогда простым блефом.

Что касается экономической стороны образовательной реформы, то переход на платное образование (полностью или частично) в

принципе вряд ли вызывал бы такие возражения, если бы жизненный уровень населения у нас был существенно выше нынешнего и если бы в России существовала надежная система целевого кредитования. Ни того, ни другого в обозримом будущем в нашей стране не предвидится. Но даже там, где эти условия присутствуют в полной мере, — в наиболее развитых странах — сохраняется мощная государственная поддержка образования, которая смягчает последствия социальной дифференциации для значительной части обучаемых. Так, в США в 1990-е годы около половины расходов на образование несло государство, в Австралии 70% вузов принадлежит государству и т. д.¹ В условиях же нашей страны, где реально оплачивать свое образование может не более 10% населения (и то лишь при самой благоприятной конъюнктуре), в таких условиях прекращение госфинансирования просто обвалит существующее просвещение, породив на долгие годы задачу его восстановления².

В экспериментах с так называемыми Государственными именными финансовыми обязательствами (ГИФО) мы увидим только повторение пройденного с ваучерами и иными государственными обязательствами новейшего времени. С ними произойдет ровно то же, что и с первыми «приватизационными чеками». По-видимому, намечается создание еще одной «пирамиды», цель которой не только упразднить основную часть государственного образования, но и «пристроить» кругленькую сумму в надежные руки. Заранее ясно, что с помощью инфляционного механизма, задержек выплат и других отработанных приемов указанные обязательства государства по ГИФО будут быстро сокращены, а затем и аннулированы, не без пользы для организаторов пирамиды, конечно. И тогда абитури-

ент окажется перед неподъемной задачей — оплатить высшее образование в полном объеме. Кому это окажется под силу?

Возьмем данные Российской академии естественных наук об уровне доходов нашего населения. 860 человек из каждой тысячи живут на 2 доллара и меньше в день, 550 человек — на 1 доллар и меньше, 130 человек — на 37 центов и только 1 человек на тысячу имеет 25 и более долларов в день. Не станем даже задаваться вопросом, кто из них (или какой %) сможет оплатить высшее образование, потому что все как на ладони. Перевод на чисто коммерческую основу обучения в высшей школе приведет к ее краху.

О том, что подстерегающие нас опасности реальны и огромны, свидетельствует (против себя!) один из зачинателей обсуждаемых проектов — министр образования В. Филиппов в интервью «Новой газете», указывая на другую сторону той же медали. Он говорит: «По демографическому спаду мы имеем данные из субъектов Федерации, и они для нас трагические. Сейчас в российской школе учится 20 миллионов детей, а через 6 лет будет уже на 30% меньше — 14 миллионов. Это, конечно, трагедия всего российского общества, и отсюда проистекает следующее: в течение ближайших лет все меньше и меньше выпускников будет выходить из школ. Это станет проблемой для всех учебных заведений. Мы не сможем сохранить рабочие места для учителей школ и работников вузов. То есть сама система подготовки профессиональных кадров будет сокращена — попросту некого будет учить»³. Общие перспективы великих перемен, похоже, ясны! Жаль только, что министр не остановился подробнее на причинах ожидаемой демографической катастрофы и неизбежного провала реформирования.

¹ Данные приведены по Большой энциклопедии Кольера (электронная версия), 2002.

² Более оптимистические, явно завышенные цифры, согласно которым треть и более наших граждан могут оплатить свое обучение, включая высшее образование, не выдерживают «очной ставки» с фактами.

³ Филиппов В. Школа останется бесплатной // Новая газета. 2001. № 35.